

ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА В РЕЦЕПЦИИ А.И. ЭРТЕЛЯ

Смирнова Ирина Юрьевна, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, Irisbaltan@mail.ru

Аннотация. В статье осмысливается рецепция А.И. Эртеlem отдельных образов, идей, тем А.С. Пушкина. Актуальность работы связана с малоизученностью наследия Эртеля, с отсутствием исследований о художественной преемственности произведений Эртеля по отношению к русским классикам. Отдельное внимание в статье уделяется образу настоящего аристократа, народной теме у Пушкина и Эртеля. Ключевые параллели в тематике и компонентах образности в статье рассмотрены на примере различных художественных произведений Пушкина и Эртеля, кроме того, проанализирован образ Пушкина в письмах Эртеля. Отмечается ключевая разница во взглядах героев Эртеля и его повествователя, именно последнему была близка и понятна позиция Пушкина. Можно утверждать, что революционные настроения последней трети XIX в. связывались Эртелеm с образом русского бунта, что во многом именно вслед за Пушкиным Эртель изображал полюсы русской души.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, А.И. Эртель, рецепция, традиция, поэзия, художественная рефлексия, классическая литература.

Для цитирования: Смирнова И.Ю. Творчество А.С. Пушкина в рецепции А.И. Эртеля // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 54–60. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-54-60>

Research Article

A.S. PUSHKIN'S CREATIVITY AT THE RECEPTION OF A.I. ERTEL

Irina Yu. Smirnova, graduate student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, Irisbaltan@mail.ru

Abstract. The article comprehends the reception of A.I. Ertel of hotel images, ideas, themes of A.S. Pushkin. The relevance of the work is connected with the lack of knowledge of Ertel's heritage, with the lack of research on the artistic continuity of Ertel's works in relation to the Russian classics. Special attention in the article is paid to the image of a real aristocrat, the folk theme of Pushkin and Ertel. Key parallels in the themes and components of figurativeness in the article are considered using the example of various artistic works of Pushkin and Ertel, in addition, the image of Pushkin in Ertel's letters is analyzed. A key difference is noted in the views of Ertel's heroes and the narrator in his works; it was the latter who was close and understandable to Pushkin's position. It can be argued that the revolutionary sentiments of the last third of the 19th century. Ertel was associated with the image of the Russian rebellion, that it was precisely after Pushkin that Ertel depicted the poles of the Russian soul.

Keywords: A.S. Pushkin, A.I. Ertel, reception, tradition, poetry, artistic reflection, classical literature.

For citation: Smirnova I.Yu. A.S. Pushkin's Creativity at the reception of A.I. Ertel. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 54–60 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-54-60>

Творчество А.И. Эртеля литературоведы справедливо относят к демократической ветви литературы, нередко называя Эртеля или народником, или последователем народнических идей. Эртель сумел избежать часто присущей народнической литературе мелочности анализа, сосредоточенности исключительно на двух-трех социальных проблемах. Писатель прекрасно понимал, что корень и основа проблем как простого народа, так и интеллигенции заключается в пренебрежении к прогрессу и образованию, в отсутствии кругозора и истинного понимания жизни, открывающего человеку не только материальные

ценности и блага. С уверенностью можно сказать, что одним из «учителей» Эртеля был А.С. Пушкин. Применительно к произведениям Эртеля можно говорить как о непосредственной рецепции творчества Пушкина, так и об обращении к пушкинским мотивам, переосмысленным и реализованным в творчестве Тургенева и Толстого.

В данной статье представлена фактически первая в литературоведении попытка показать влияние творчества Пушкина на Эртеля. В связи с тем, что Эртель принадлежит к числу фактически забытых писателей, влияние классиков на него в науке не рассматрива-

лось. В последние 20 лет филологи стали обращаться к творчеству Эртеля, однако до сих пор особенности мировоззрения и позиции писателя, его творческая эволюция полностью не раскрыты. По нашему мнению, величина гения Пушкина и глубокая погруженность в проблемы русской национальной жизни были для Эртеля примером, побуждающим его к литературному творчеству как своего рода служению русскому народу.

В своих произведениях Эртель часто обращается к именам классиков, дает оценку их литературной деятельности, цитирует фрагменты из их произведений. Применительно к раннему творчеству писателя можно говорить о наибольшем внимании к произведениям классиков русской литературы. Разумеется, на первом этапе творчества Эртеля он не избежал и подражаний (в большей степени Тургеневу). К примеру, в цикле «Записки Степняка» (1879–1893 гг.) Эртель упоминает имена А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Ив. Никитина, А.В. Кольцова, А.А. Фета, Ф.М. Достоевского, Гл. Успенского. Пушкинские мотивы и герои, похожие на пушкинские типы, имеют в художественном мире книги очерков особенное значение.

В очерке «Серафим Ежиков» главный герой (он же Степняк, записки которого представил нам повествователь Николай Васильевич Батурина) во время разбушевавшейся в степи бури приютил лесковского учителя Серафима Николаевича Ежикова. Сразу же отметим значимость образа дороги в очерке Эртеля, который во многом связан именно с пушкинским образом, передающим не только широту русского пространства, бесконечную даль, но и русскую душу, «полную характерных контрастов», «эмоционально-образных обертонов и настроений» [Троицкий: 22].

Фигура учителя является особенно симпатичной для читателя, однако она сложна, отражает не только лучшие стороны окружающей действительности. Скромный, по-детски робкий, но прекрасно образованный, добрый, открытый, Ежиков поражает Батурина своим стремлением к просвещению простых мужиков, всем сердцем желая развеять их средневековые представления о природе вещей и окружающем мире. Вместе с тем Ежиков слишком мягок и податлив, не готов отстаивать себя и свои убеждения. В.Г. Андреева справедливо отметила: «Эртель показывает, что в пореформенное время для борьбы со злом мало быть просто “душевным человеком” (именно так охарактеризованы автором Трофим и Серафим Ефики), для жизни в миру необходим еще огромный запас крепости, твердости, терпения, выдержки и, если нужно, даже хитрости. Кроме того, борцам за счастье народа и страны необходима бдительность, поскольку “враг” скрывается за разными обличьями» [Андреева 2013: 94].

Эртель изображает Ежикова замечательным человеком, в некоторой степени исключительным, но писатель не отрицает того, что личность не может быть развита одновременно во всех направлениях – проблема в том, что Ежиков одинок, полностью лишен поддержки и отчасти введом. Ежиков не видит достойных примеров для подражания в жизни, поэтому он ищет их в литературе. Вот что пишет Эртель про учителя: «Любимейшими его поэтами были Кольцов и Некрасов (впрочем, он не называл их “лучшими” поэтами, а величал “симпатичнейшими”). Пушкина за “Евгения Онегина”, “Капитанскую дочку” и многие мелкие пьесы он боготворил, но пренебрежительно отзывался о его сказках и называл красивой побрякушкой и “Цыган” и “Полтаву»» [Эртель 1958: 240].

Обратим внимание на эпитеты, которые дает Ежиков поэтам, они говорят о прекрасном понимании им уровня мастерства, а при этом Ежикову наиболее интересны те произведения, которые возможно использовать как руководство для народного просвещения. Ежиков сразу же отбрасывает все другое, малоприменимое к народной действительности, убогому и серому настоящему русской деревни, учитель не интересуется идеей свободной и вольготной жизни человека, пути его гармоничного развития, поскольку для него, как и для его подопечных, не закрыты вопросы с самыми насущными потребностями.

С большим воодушевлением, «до умиления восторгаясь первыми двумя строфами», декламирует Ежиков стихотворение Пушкина «Зимний вечер», особенно трепетно прочитывая строки:

...Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Не случайно Эртель вводит в контекст своего очерка эти строки. Образ бури является ведущим и в стихотворении Пушкина, и в очерке Эртеля – и тут последний многое заимствует у своего великого предшественника. Разыгравшееся ненастье изолирует героев от внешнего мира, заставляя погружаться в грустные думы. В.Ю. Троицкий рассуждает о целой череде стихотворений Пушкина, «составляющих живописную симфонию переживаний, вдохновленных картинами русской природы и вызванными ими чувствами, наиболее отвечающими типическим впечатлениям и состоянию русской души», и называет «Зимний вечер» одним из первых стихотворений в этой череде [Троицкий: 22].

Особым смыслом обладает и образ старушки, пригорюнившейся у окна. Для Пушкина образ няни символизировал глубокую связь с народом, с исконной Русью. Образ няни не отождествляется у Пушкина

с образом матери, но как бы дополняет его: наследник многих кровей и поистине сын мира (в том числе по величине своего таланта), Пушкин считал своей колыбелью среднюю Россию, одной из воспитательниц, способствовавших развитию его таланта, – няню.

В случае с Серафимом Ежиковым ситуация изменится полярно. У Ежикова не только нет родных людей среди народа, их фактически нет нигде (Батурин, по всей видимости, оказался одним из самых неравнодушных в судьбе Ежикова людей). Серафим Ежиков не просто разлучен со своей родительницей (богатой генеральшей) по долгу службы, между ними пропасть непонимания. Имея благородное происхождение, знатное имя, богатое наследство, Серафим предпочитает посвятить себя служению народу, за крошечную зарплату работая деревенским учителем. Перед нами молодой и благородный народник, искренние желания которого остались непонятыми, в том числе и самим народом. Несмотря на мягкость, робость, добродушие, Ежиков остается предан своей идее народного просвещения, даже когда его мать лично является за ним в деревню. В период бури особенно остро ощущается им одиночество, и образ старушки в стихах Пушкина греет сердце Ежикова, заставляя верить, что где-то есть человек, которому он бесконечно дорог.

Дочитав стихотворение до конца, Ежиков с пылким негодованием произнесет строки:

Выпьем, добрая подружка,
Бедной юности моей,

Выпьем с горя; где же *кружка?* –

Ежиков убеждает Батурина, что такое выражение «не свойственно народу русскому. <...> Как выговоришь “где же кружка?”, сейчас тебе пиво мерещится» [Эртель 1958: 241]. Этимология слова «кружка» показывает, что оно имеет европейские корни, пришло к нам из польского языка [Шанский: 270]. На Руси же были и свои питейные сосуды: братины, кувшины, ковш, ендова, кубки и т. д. Даже слово «чашка» имеет праславянские корни, но Пушкин выбирает не его, поэтому, будучи носителем народнических идей и приверженцем исконно-русской культуры, негативно отзываясь сельский учитель об этих строках поэта. Состояние Ежикова, как мы уже отметили, абсолютно противоположно настроениям и ощущениям героя Пушкина. Жизнь Ежикова полна горя и проблем, у него нет друзей и, самое главное, нет настоящего отклика от народа, ради которого он претерпевает все мучения. Более того, «кружка» напоминает Ежикову о беспробудном народном пьянстве, которое закрывает для мужиков возможность развития и образования, препятствует заботе о здоровье в условиях, как отмечают исследователи, почти повсеместного в царской России недостатка квалифицированных докторов на селе [Христенко 2022].

Беспокоит Ежикова не только вопрос избавления деревни от порока пьянства, но и проблема духовной чистоты народа. В уста своего героя Эртель вкладывает строки великопостной молитвы «Отцы-пустынники и жены непорочны», но не оригинал текста Священного писания, а именно строки Пушкина. Оно «вызывало в нем какое-то, пожалуй, даже и наивное, восхищение, и я уверен, не одно только эстетическое наслаждение заставляло проникать его голос умирительной теплотой, когда он декламировал:

...Владыко дней моих! Дух праздности унылой,

Любоначала, змеи скрытой сей,

И празднословия не дай душе моей;

Но дай мне зреть мои, о боже! прегрешенья,

Да брат мой от меня не примет осужденья,

И целомудрия мне в сердце оживи... [Эртель 1958: 242].

Эти строки Пушкина можно расценивать как ободрение Серафима Ежикова на тернистом пути борьбы с невежеством, грубостью, забитостью освобожденных крестьян. В тексте стихотворения Пушкина, написанного в 1836 г., видим мы и сокровенное наставление потомкам. Пушкинские строки еще раз позволяют понять, что жизнь Ежикова – бесконечная борьба, в которой учителю фактически не на кого опереться, поскольку почва, на которой он стоит, слишком зыбка и Ежиков не находит успокоения даже внутри себя.

Герой Эртеля вроде бы и верит в правду и светлое будущее, но идет не тем путем, пытается бороться с устоявшимся невежеством собственными силами. Повествователь у Эртеля прекрасно чувствует, что «среди бурь и битв», в том числе разворачивающихся в душах и сердцах людей, только любовь и вера могут спасти человечество, но усилий отдельных людей недостаточно даже для начала движения. Эртель показывает, что России нужен сложный и долгий путь возрождения, подчеркивает значимость сохранения православия для людей, жизнь которых погружена в хаос исторических перипетий. Как мы уже показали в более ранней нашей статье, в отличие от Серафима Ежикова, писатель видел свою задачу отнюдь не только в помощи народу, но в оздоровлении и преобразении *всего русского общества*, утрачивавшего высокие моральные образцы [Смирнова].

В романе «Гарденины» (1889 г.) Эртель также активно обращается к наставлениям и темам классиков, цитирует фрагменты их произведений. Особое значение в хронотопе произведения приобретает образ героини романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» – Сонечки Мармеладовой, которая является во сне главной героине произведения Эртеля и предсказывает Элиз Гардениной трагический финал ее судьбы. Неоднократно цитируются Эртелем стихи Н.А. Некрасова. Образ А.С. Пушкина появляется в романе в оценке двух героев: купцов Кось-

мы Васильевича Рукодеева (пьющего и неудовлетворенного своей судьбой) и купца Ильи Финогеныча Ефферова (человека успешного, сознательного, делового). Оба эти героя являются своеобразными *учителями и нравственными ориентирами* на разных этапах в жизни Николая Рахманного. Примечательно, что оценивают Рукодеев и Ефферов значимость литературной деятельности Пушкина полярно.

Косьма Васильевич категорически не советует Николеньке увлекаться творчеством поэта, с большим сарказмом отрываясь о нем: «Пушкина давно уж в хлам сдали... Эти камер-юнкеры, эстетики, шаркуны в наше время презираются» [Эртель 1985: 179]. Похожее уничижительное мнение о ценности наследия Пушкина можно обнаружить в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Подобный вердикт был выдвинут нигилистом Базаровым: личность Пушкина в 1870–80-е гг. вызывала сомнение и отрицание в среде радикалов.

Купец Илья Финогеныч, сблизившись с Николаем и отметив его стремление к истине, знаниям и просвещению, опровергает замечания Рукодеева в адрес Пушкина, подчеркивая особую значимость поэта для становления русской литературы и формирования народного сознания: «А Пушкин как был велик, так и остался великим. Кто из вавилонского плена словесность нашу извлек? Пушкин. Кто ее спустил с высейто казенных, с мундирных парнасав-то? Опять-таки Пушкин. Это историческая заслуга. А прямая заслуга? А красота во веки веков живая? Болваньё!.. Надо понимать, какого имеем великана» [Эртель 1985: 404]. Слова героя резонируют с мыслями самого Эртеля в отношении Пушкина. В письмах Эртель неоднократно признавался в глубокой любви к Пушкину, высоко оценивая его вклад в развитие русской литературы.

По всей видимости, создавая «Гардениных», Эртель творчески осваивал и некоторые идеи Пушкина, реализованные им в «Капитанской дочке». Конечно, нельзя однозначно сказать, что роман Пушкина и роман Эртеля относятся к семейным романам, хотя Т. В. Затеева и В.О. Базарова утверждают, что «Гарденины» вполне может быть оценен как семейный роман, выводящий к общественной жизни России того времени: «В поле зрения писателя находятся события из жизни семей, имеющих разный сословный статус, что позволило ему создать широкое социальное полотно пореформенной России. Отметим, что для писателя в равной мере значительны как истории отдельных семей, так и каждого их члена» [Затеева, Базарова: 82]. В данном случае нам важно не четкое определение жанровой характеристики романов Пушкина и Эртеля, а наличие в них мысли семейной, с которой прочно связан центральный конфликт в обоих произведениях, и выход Пушкина,

а за ним и Эртеля к нравственно-философским притчам [Недзвецкий: 29].

Конфликт поколений, отцов и детей у Эртеля реализован, как у Пушкина, в оппозиции «вред – благо», подробно рассматриваемой применительно к «Капитанской дочке» Н.П. Жилиной [Жилина: 8]. Исследовательница показывает, что эта оппозиция возникает у Пушкина в парадоксально перевернутом виде, вводя в повествование тему истинных и ложных ценностей: «В “Капитанской дочке”, казалось бы, тоже намечаются две противоположные системы ценностей (отца и сына), порождающие соответствующие оппозиции: веселая петербургская жизнь – скука в стороне глухой и отдаленной (в сознании Петра)... Однако наметившийся было конфликт сразу же снимается: следуя патриархальной традиции, Петр принимает отцовское решение безо всякого внутреннего сопротивления...» [Жилина: 10]. И у Пушкина, и у Эртеля мы видим конфликт между желаниями героев, честью и долгом, однако позиция отца Петруши Гринева оказывается верной (как убеждается и сам герой), а позиция отца Николая Рахманного содержит пережитки прошлого, так как связана исключительно с идеей народного труда на благо увеличения барского достатка, в крайнем случае – порядка (также заведенного господами Гардениными).

Нельзя не отметить, что герой из народа Николай Рахманный наделяется Эртеlem многими лучшими чертами, свойственными героям Пушкина и Толстого. Как Петруша Гринев, Пьер Безухов, Николай Ростов, Константин Левин, Дмитрий Нехлюдов, Николай Рахманный совершает ошибки, но при этом «способен к прямой и честной их оценке» [Жилина: 12].

В романе «Смена» 1891 г. Эртель «художественно запечатлел процессы ломки старой общественной формации в России и замены ее новой, – строя феодально-крепостнического – строем буржуазно-хищническим» [Ломунов: 22]. Под «сменой» сам автор понимал «те общественно-культурные метаморфозы, силой которой сходят со сцены *интеллигентные* люди барских привычек, барского воспитания с их нервами, традициями, чувствами, и в значительной степени – идеями, уступая свое место иным, далеко не столь утонченным и даже грубоватым людям, но гораздо более приспособленным к борьбе» [Письма: 58].

К образу Пушкина в романе обращается Эртель трижды, давая оценку творчества поэта устами главного героя Мансурова, являющегося представителем того самого «вымирающего культурного слоя» [Письма: 85]. О себе он скажет: «Я живу как зритель в театре: весело – смотрю, скучно – ухожу» [Эртель 1959: 219]. Описывая свое мироощущение, Мансуров процитирует фрагмент стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти» 1836 г., в котором Пушкин ведет рассказ о высших правах, которые есть у человека:

...По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественной природы красотам,
 И пред созданиями искусств и вдохновенья
 Безмолвно уопать в восторгах умиленья,
 Вот счастье!

Эти строки всецело отражают ценности героя Эртеля – настоящего скитальца. Будучи представителем уходящей эпохи дворянства, аристократом по крови, Мансуров тонко чувствует этот мир, преклоняется перед высоким искусством, поэтому ему близка поэзия Пушкина, проникнутая отголосками романтизма, поэтому с такой грустью вспоминает герой жизнь в 1840-е гг., и тем болезненнее ощущается им суровая реальность пореформенной эпохи, в которой герой не может найти себе место. Во многом образ Мансурова продолжает традицию изображения «лишних людей», начатую Пушкиным в романе «Евгений Онегин», хотя выражение «лишние люди» вошло в оборот с выходом повести Тургенева «Дневник лишнего человека» в 1850 г.

«Большинство героев Эртеля, даже чуткие, вдумчивые персонажи, не поднимаются над соотносимыми мирами прошлого и настоящего, не прозревают за сменой образа жизни и ее форм глубинные смыслы человеческих отношений» [Андреева 2020: 109]. Таким же предстает перед нами герой Эртеля, разочарованный, склонный к хандре. Мансуров не находит себе места в среде исчезающего дворянства, не чувствует себя своим и среди демократов, а непрерывная скука является его верной спутницей. В отличие от Онегина, Мансуров лишен связи даже с высшим светом, так как он исчезает. «Лишним людям» наподобие Мансурова нет места в новых реалиях. Мансуров слишком тонок и сложен, слишком лишен жизненной силы и необходимой периодически простоты, а при этом не готов меняться, поэтому в финале романа Мансуров убит случайной пулей в публичном доме, предназначенной даже не для него.

В незавершенном романе Эртеля «Урожденная Тибякина», две части которого вышли в журнале «Русская мысль» в 1911 г., писатель делает главного героя, Андрея Андреевича Ефимова, поклонником русской классической литературы, и прежде всего наследия А.С. Пушкина. Герой этот – просвещенный эстет, почитатель настоящего искусства, понимающий и любящий жизнь, однако не приемлющий новых радикальных настроений молодежи. Он очень молод, представляет редкий для начала 1890-х гг. (именно тогда был задуман роман) тип человека, глубоко осознающего подлинное величие и значимость уходящей эпохи (собственно, тут писатель наделял юного персонажа своим мыслями). Эртель показывает, что Ефимов прекрасно знает жизнь и творчество Пушкина. Так, объясняя княжне Тибякиной особенности некоторых мест Крыма, он говорит: «Ведь Вы

знаете: “Мердвень” по-русски – Чортова лестница. Это заброшенный подъем на Яйлу. Помните, Пушкин писал о нем Дельвигу?...» [Эртель 1911: 27]. Ефимов имеет в виду «Отрывок из письма к Д.» Пушкина, опубликованный впервые в альманахе «Северные цветы» на 1826 г. (вышел в свет в апреле 1825 г.), в котором есть следующие строки: «Я объехал полуденный берег, и путешествие М. оживило во мне много воспоминаний; но страшный переход его по скалам Кикенеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По Горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом» [Пушкин 7: 280]. Под «горной лестницей» имеется в виду разработанный подъем на Яйлу в районе Мухалатки, известный под названием Чертова лестница (Шайтан мердвень) и вырубленный в скале крупными ступенями.

А в комнате Ефимова, в которой княжна Тибякина пишет записку матери, она удивляется удивительной чистоте и комфорту. В изголовье кровати героя княжна видит портрет Пушкина: «В изголовье, действительно, помещался портрет Пушкина в прекрасной дубовой рамке...» [Эртель 1911: 40]. Таким образом, важнейшие детали художественного мира романа Эртеля «Княжна Тибякина» показывают точку зрения самого писателя и его любимых героев, для которых классическая литература XIX в. стала частью жизни. Ефимов, конечно, не может подражать Пушкину, но он проникается взглядами поэта и разделяет его позицию, пытается максимально к его видению окружающего мира приобщиться. А тот факт, что пушкинский взгляд необычайно дорог самому Эртелю, подтверждается эпиграфом к первой части романа (произведение не было завершено) из стихотворения Пушкина «Талисман»: «Там, где море вечно плещет / На пустынные скалы...» [Эртель 1911: 3].

Исследовав эпистолярное наследие Эртеля, мы обнаружили 15 упоминаний имени Пушкина в письмах Эртеля за 1890–1899 гг. Остановимся на наиболее значимых из них. В рецепции Эртеля образ Пушкина наделен положительной коннотацией, о чем свидетельствуют фразы «наш общий любимец Пушкин» (в письме от 14 декабря 1890 г.), «я до глубины души люблю Пушкина» (в письме от 6 марта 1891 г.). Выявленные нами упоминания о поэте мы условно разделили на три группы: Пушкин в личной оценке Эртеля или Пушкин в судьбе Эртеля; тема поэта и поэзии и рецепция пушкинского восприятия творчества; деятельность Пушкина в проекции русской и мировой истории и социальных перемен.

К первой группе мы отнесли уже упомянутые выше признания Эртеля в любви к поэту. Также можно выделить фрагмент письма к П.Ф. Николаеву от 6 марта 1891 г., в котором Эртель оценивает себя

как личность в социальной среде: «Во мне нет органической связи с разночинцем, как это ни курьезно, ибо по сословию я мещанин. Из того, что у меня легко завязываются дружеские связи с настоящими барями, что я до глубины души люблю Пушкина, что понимаю и способен наслаждаться самодовлеющим искусством, что люблю очень культурных людей и особенно женщин, что мне свойственны некоторые барские привычки, – из всего этого, пожалуй, вернее заключить, что органическая-то моя связь – с прежним периодом... а главное, не чувствую себя роднее разночинцу, сознаю в сильной степени средство свое с народом» [Письма: 248]. Таким образом, свою личность Эртель оценивает в параллели с образом Пушкина. Складывается и свойственный для эпохи второй половины XIX в. образ Пушкина: поэта-аристократа по крови, приверженца монархии, ценителя искусства и воплощения идеала культуры, при этом человека страдающего бедам и горестям простого народа. Сам Эртель признавался, что тяготел к «прежнему периоду», то есть уходящей эпохе (часто и герои его произведений вспоминают, как хорошо было жить в 1840–1860-х гг.), но при этом отмечает, что «отлично видит в чем преимущество нынешнего» [Письма: 248].

Ко второй смысловой группе можно отнести фрагмент письма к П.А. Бакунину от 15 января 1893 г., в котором Эртель размышляет о призвании художника и о том, какими чертами необходимо обладать, чтобы быть литературным творцом. В качестве примера приводится образ поэта: «Пушкин, мало того, что умен по-своему, но и страшно умен в обыкновенном, в логическом смысле этого слова... истинная мудрость тогда лишь и осуществляется, когда в человеке или в учении его есть элементы художественности. Без этого никакой великий ум не сможет стать мудрым. И наоборот: истинная художественность не мыслима без ума, без самого обыкновенного, рассудочного, резонирующего ума. И только такой совершенный человек, или такое учение, или такое произведение искусства, способны возвести к единству мучительных противоречий действительности» [Письма: 306]. В этом же письме Эртель отмечает, что именно «художественному творчеству более доступно познание Божества, нежели логическим дисциплинам» [Письма: 310]. Писатель сравнивает жизнь человека с поэмой, в которой каждый выполняет роль творца: «Человек творит свою жизнь, так же, как творили Шекспир и Пушкин свои произведения. И все они одинаково свободны и одинаково порабощены условностями. Пушкин и Шекспир – условностями грамматики, обычаев, времени; человек – тому, что называют капризами действительности» [Письма: 310]. Таким образом, Эртель не только ставит на один уровень личность Пушкина и всемирно признанного гения литературы – Шекспира,

подчеркивая значимость русского поэта, но и в философском контексте ассоциирует их произведения с божественным потоком самой жизни.

К третьей тематической группе мы относим фрагмент письма к А.В. Погожевой от 21 августа 1896 г., в котором Эртель делится своими мыслями о социально-политических переменах, происходящих в России. Проводя сравнение с революционными процессами, происходившими на Западе, писатель опровергает мнение о том, что «над хаосом парит дух Божий» [Письма: 366]. Эртель отмечает, что Европа идет к переменам, руководствуясь многовековым сознанием необходимости изменений, «крепко и стройно организованного быта, а у нас... от пусто-го места» [Письма: 366]. Происходящие же в России реформы и их последствия Эртель расценивает как «Разиновщину и Пугачевщину»: «Все, что хочешь в этом роде – “бессмысленном и жестоким”, по выражению Пушкина – но не социализм» [Письма: 366]. Такую оценку дает Эртель реальности, в которой приходилось жить ему и его современникам, сравнивая ее с периодом великой смуты, описанной Пушкиным в его исторических повестях, поэмах, стихах («Капитанская дочка», «Песни о Стеньке Разине» и др.), подчеркивая жестокость эпохи и царящий в ней хаос.

Таким образом, Пушкин был не просто любимым писателем Эртеля. Он стал идейным вдохновителем для многих произведений писателя, нравственным ориентиром для его героев. В трудную пореформенную эпоху, когда происходила ломка общественных ценностей и идеалов, Эртель находил отдушину в поэзии Пушкина, несмотря на то, что в моде была демократическая проза писателей-шестидесятников. Художественные произведения, образ писателя и поэта, формы его поведения, его жизненная позиция были для Эртеля примером для подражания. В широком смысле возможная революция для писателя ассоциировалась с русским бунтом, а идеалом для Эртеля была жизнь писателя-аристократа, не приемлющего барских привычек и готового заботиться о своей стране и согражданах.

Список литературы

Источники

- Письма А.И. Эртеля. Москва: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1909. 410 с.
- Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. / под ред. Д. Д. Благого. Москва: Гослитиздат, 1959–1962.
- Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. Москва: Дрофа, 2004. 398 с.
- Эртель А.И. Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова. Москва; Ленинград, 1959. 824 с.
- Эртель А.И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги: Роман. Москва: Сов. Россия, 1985. 560 с.

Эртель А.И. Записки Степняка. Москва: Худож. лит., 1958. 612 с.

Эртель А.И. Урожденная Тибякина: посмертный роман. Б. м., б. и., 1911. С.3–46, С. 5–43.

Исследования

Андреева В.Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А.И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. № 1 (52). С. 107–119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009>

Андреева В.Г. Художественный мир книги очерков А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 1. С. 93–97.

Жилина Н.П. Истинные и ложные ценности в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2015. Т. 3, № 1 (5). С. 5–22.

Затеева Т.В., Базарова В.О. Семейный роман в творчестве А.И. Эртеля // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2016. № 2. С. 80–87.

Ломунов К.Н. Писатель-демократ: вступ. ст. // Эртель А.И. Волхонская барышня: повести. Воронеж: Центрально-черноземное кн. изд-во, 1984. С. 2–22.

Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы: курс лекций. Москва: МГУ, 2011. 152 с.

Смирнова И.Ю. «Просвещение» или «обогащение»: о ценностях и состоянии русского пореформенного общества в цикле А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3 С. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>

Троицкий В.Ю. Поэзия А.С. Пушкина последнего десятилетия жизни как выражение национального самосознания // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 1. С. 16–61. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-1-16-61>

Христенко Д.Н. Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 629–645. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.692>

References

Andreeva V.G. *Obraz usad'by i rodnoi zemli v povestiakh i romanakh A.I. Ertelia* [The image of the estate and native land in the stories and novels of A.I. Ertelya]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2020, No. 1 (52), pp. 107-119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009> (In Russ.)

Andreeva V.G. *Khudozhestvennyi mir knigi ocherkov A.I. Ertelia "Zapiski Stepniaka"* [The artistic world of the book of essays by A.I. Ertel "Notes of Stepnyak"].

Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2013, vol. 19, No. 1, pp. 93-97. (In Russ.)

Khristenko D.N. *Sovetskaya sel'skaya meditsina dovoennogo perioda v otsenkakh otech-estvennykh i inostrannykh ochevidtsev* [Pre-War Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, No. 2, pp. 629-645. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.692> (In Russ.)

Lomunov K.N. *Pisatel'-demokrat: vstupit. Stat'ia* [Democratic writer: will join. Article]. *Ertel' A.I. Volkhonskaia baryshnia: povesti* [Ertel A.I. Volkhonskaya young lady: stories]. Voronezh, Tsentral'no-chernozernoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984. pp. 2–22. (In Russ.)

Nedzvetskii V.A. *Istoriia russkogo romana XIX veka: neklassicheskie formy: kurs lektsii* [History of the Russian novel of the 19th century: non-classical forms: a course of lectures]. Moscow, MGU Publ., 2011, 152 p. (In Russ.)

Smirnova I.Iu. "Prosveshchenie" ili "obogashchenie": o tsennostiakh i sostoianii russkogo poreformennogo obshchestva v tsikle A.I. Ertelia "Zapiski Stepniaka" ["Enlightenment" or "enrichment": about the values and state of Russian post-reform society in the cycle of A.I. Ertel "Notes of Stepnyak"]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2023, vol. 5, No. 3, pp. 124-147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147> (In Russ.)

Troitskii V.Iu. *Poeziia A.S. Pushkina poslednego desiatiletia zhizni kak vyrazhenie natsional'nogo samosoznaniia* [Pushkin's last decade of life as an expression of national identity]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2020, vol. 2, No. 1, pp. 16-61. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-1-16-61> (In Russ.)

Zateeva T.V., Bazarova V.O. *Semeinyi roman v tvorchestve A.I. Ertelia* [Family romance in the works of A.I. Ertel]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture], 2016, No. 2, pp. 80-87. (In Russ.)

Zhilina N.P. *Istinnye i lozhnye tsennosti v romane A.S. Pushkina "Kapitanskaia dochka"* [True and false values in the novel by A.S. Pushkin "The Captain's Daughter"]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo iazyka i literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature], 2015, vol. 3, No. 1 (5), pp. 5-22. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 18.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.